

Мой добрый груз

Игорь
Корольков

Библиотека классической и современной прозы

Игорь Корольков
Мой добрый друг

«Продюсерский центр ротации и продвижения»

2021

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

Корольков И.

Мой добрый друг / И. Корольков — «Продюсерский центр ротации и продвижения», 2021 — (Библиотека классической и современной прозы)

ISBN 978-5-907379-23-7

Чему служить в этой жизни — Добру или Злу? Делая выбор в молодые годы, можно жестоко ошибиться, оказавшись в плену собственных амбиций и ложных представлений. Когда наступает прозрение — поздно что-либо исправлять. Об этом — повесть «Мой добрый друг». Кроме повести, в книге собраны жизни разных людей. У каждого — своя судьба, своя дорога. Однако есть нечто, что всех их объединяет: это честность перед самим собой. Судьба испытывает их, но что бы не происходило, они не предадут — ни себя, ни близких, ни свое прошлое.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-907379-23-7

© Корольков И., 2021
© Продюсерский центр ротации и
продвижения, 2021

Содержание

Мой добрый друг	5
Знакомство	5
Золотая зажигалка	8
Лето, увязшее в пчелиных сотах	13
Тернер и море	16
Странный буксир	18
Ужин в ресторане «Семь футов»	20
Бухта Теляковского	23
На даче	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Игорь Корольков

Мой добрый друг

Мой добрый друг

Повесть

Зло есть лекарство от зла.
Гиерокл

Знакомство

На плече мужчины сидела белка. Они оба смотрели на меня. Белка – испуганно, тревожно. Мужчина – спокойно, с лёгким прищуром пронизательных глаз. В этом противопоставлении, видимо, и был замысел художника. Суетливая белка подчёркивала невозмутимость человека. На мужчине был костюм и галстук. Словно высеченное из камня лицо, внимательные глаза, плотно сжатые губы, раскрепощённая поза говорили о характере независимом, волевом. Он смотрел на меня, будто что-то знал обо мне. Написанная карандашом картина впечатляла лаконизмом и строгостью.

Постояв у портрета, я перешёл к другой картине, но обратил внимание, что на моё место встал мужчина, очень похожий на того, который изображён на ватмане. Он стоял, засунув руки в карманы брюк, разглядывал, судя по всему, своё собственное изображение, словно пытаясь понять – действительно ли это он?

Я не удержался.

– Простите, не с вас ли писали этот портрет? – поинтересовался я.

– С меня, – просто ответил мужчина.

– Хорошая работа!

– Вы находите?

– Мысль посадить вам на плечо белку – великолепна!

– Портрет писали в Нескучном саду. Там полно белок.

– Вам достался хороший художник.

– Иван, – протянул руку мужчина.

– Андрей.

Так мы познакомились. Иван пригласил меня на чашку кофе здесь же, в картинной галерее. Мы заняли столик у окна, заказали эспрессо.

Движения Ивана были несуетливы. Он напоминал дреднот, когда тот причаливает в порту после неравного боя – терпеливо, устало. Одной рукой поднял стул и поставил так, чтобы можно было сесть, не двигая его. Бросил взгляд на меню, решительным жестом подозвал официанта, кофе заказал, будто отдавал приказ, не выполнить который было невозможно. Руки Иван положил на стол, обняв блюдце, точно хотел защитить кофе от возможных неожиданностей. Эти руки, несомненно, многое умели. Левую покрывали шрамы: гладкие – от ножа, рваные – от пилы, несколько белых бугорков на кисти говорили о том, что на руку попало что-то раскалённое – то ли канифоль, то ли окалина. Доставая из кармана платок, Иван вынул моток проволоки, удивлённо посмотрел на него и засунул обратно. Несмотря на возраст, а было ему на вид за сорок, мой новый знакомый обладал роскошной шевелюрой. Густые чёрные волосы напоминали подстриженную конскую гриву, в которую вплели множество белых нитей.

– Вы увлекаетесь живописью? – спросил Иван, бесцеремонно разглядывая меня.

– Не могу сказать, что увлекаюсь, – ответил я. – Просто иногда хочется пройтись по выставочным залам.

– Вас привлекает не столько живопись, сколько торжественная атмосфера, – понимающе заключил Иван.

– Пожалуй, так.

– Вы правы: здесь разглаживаются морщины.

Я удивлённо посмотрел на нового знакомого. Короткой фразой он приоткрыл дверь, за которой, должно быть, таился мир любопытных наблюдений.

– Музеи и картинные галереи обладают поразительной особенностью, – сказал Иван. – Там что-то происходит с памятью.

Он помолчал, отхлебнул кофе. Поставил чашку на блюдце. Повертел против часовой стрелки.

– Вы не поверите, но однажды я остался в музее на ночь, – сказал Иван.

– На ночь? В музее? Как это возможно?

– Там много закутков, где можно спрятаться.

– Вы хотели ограбить музей? – усмехнулся я.

– К слову сказать, – заметил Иван, – это не так уж и сложно сделать. Было бы желание. Но я остался на ночь не за этим. Днём – это один музей. Ночью – совсем другой. Ночью там – тишина. Обостряются чувства... Раскрепощается воображение... В какой-то момент начинает казаться, что всё оживёт: и пастухи, и стада, и всадники... Слышно блеяние овец, бряцание оружия... Века затягивают.словно ил, когда ловишь головастика.

– Вы так увлекательно рассказываете, что я начинаю подозревать в вас художника, – заметил я.

– О, нет! – взмахнул руками Иван. – Какой я художник! Так, жалкий подражатель.

Он перевернул лежавшую на столе бумажную салфетку, вынул из бокового внутреннего кармана пиджака фломастер, посмотрел на меня, усмехнулся и несколькими уверенными движениями нарисовал на меня шарж: удлинил нос, а на кончик насадил очки. Я был похож на начитанную ворону.

– Здорово получилось! – воскликнул я. – Можно взять на память?

– Разумеется!

Иван протянул салфетку.

– Неужели нигде не учились? – сказал я, рассматривая рисунок.

– Год посещал курсы в Строгановке.

В эту минуту в кафе вошла женщина в лёгком белом платье с широкой юбкой и янтарными бусами на тонкой загорелой шее. Она окинула взглядом зал, решительно направилась к нашему столику. Иван встал, поцеловал женщину в щеку, подвинул стул.

– Это Марта. Это Андрей.

Мы улыбнулись друг другу.

– Что тебе заказать? – спросил Иван.

– Апельсиновый фреш.

Иван подозвал официанта.

– Я так и думала, что найду тебя здесь.

– Мы только что познакомились с Андреем. Ему очень понравился мой портрет. Он сказал, что я достался хорошему художнику.

– Правда? Спасибо!

– Это вы нарисовали портрет Ивана? – удивился я.

– Да, это моя работа.

– Очень хорошая работа!

– Спасибо! Вы не художник?

– К сожалению, нет.

– Он любит звук каблуков в пустых залах, – усмехнулся Иван.

Я поразился тому, насколько точно это было угадано.

На щеках Марты появились ямки, серые глаза заиграли весёлым светом, из-за чувственных губ блеснули белые как снег зубы. Наметившийся в уголках глаз кракелюр говорил о том, что Марта перешагнула сорокалетний рубеж, хотя время, похоже, и благоволило к ней.

– Вы определенно должны были стать художником!

– Я даже яйцо не смогу нарисовать, – признался я. – Но, если бы был наделён вашим талантом, непременно написал бы ваш портрет. Я бы это сделал так: белое полотно и только ваши глаза. Иван, у вас нет желания отблагодарить Марту – в ответ написать её портрет?

– Что вы! Шедевра не создам, а оригинал могу потерять. Я вот о чём подумал: а что, если мы пригласим вас поехать с нами в Плес! Ты как, Марта?

– Замечательная идея! – воскликнула Марта.

– В Плес?

– Мы едем туда на десять дней, – пояснил Иван. – Марта будет писать этюды, а мы порыбачим. Прекрасные левитановские места!

Предложение мне очень понравилось. Было бы здорово провести десять дней на берегу Волги в компании симпатичных людей. Но мое руководство ни за что не позволило бы взять столь длинную паузу. В то время я занимался расследованием одного сложного дела. Вернее, таких дел было много. От рук неизвестных киллеров погибали политики, бизнесмены, журналисты, крупные криминальные авторитеты. Преступления совершались в разных городах, разными способами, всегда хладнокровно, изобретательно, жестоко. В одном случае киллер переоделся в священника. В другом – загримировался под женщину. Известного журналиста зарезал в подъезде, прикинувшись слесарем.

Расследованием каждого убийства занимались местные органы. Моя же задача заключалась в анализе преступлений. В выявлении повторяющихся деталей, в выяснении, по какому принципу отбирались жертвы, в определении возможного круга лиц, которые совершали убийства. Я мотался по городам, жил там неделями, изучал материалы дел, заново обнюхивал места преступлений, пытался подробности у свидетелей... И сопоставлял, сопоставлял...

Я поблагодарил моих новых знакомых за соблазнительное предложение, но вынужден был от него отказаться. Мы обменялись телефонами.

Золотая зажигалка

В четыре утра следующего дня я вывел свой рено на Можайское шоссе. Москва спала. Безлюдные улицы, казалось, принадлежали только мне. Я слегка приоткрыл окно – свежесть наполнила салон. Дорога в Смоленск была долгой. Два дня назад в городе убили владельца частного охранного предприятия, 36-летнего Артёма Кононова. Его взорвали вместе с бронированным мерседесом. А за две недели до этого на трассе Смоленск- Москва неизвестные из автомата расстреляли его отца – заместителя командующего стратегической авиацией генерала Кононова. Это были странные убийства, не оставившие следствию ни единой зацепки. Начальником уголовного розыска Смоленской области работал мой давний знакомый – подполковник Найденов. Я знал его ещё с тех пор, когда он в Калининграде носил погоны капитана. Распутывая дело о похищении бизнесменов и вымогательстве у них денег, капитан вышел на своё руководство. Это под их крышей орудовала крайне наглая и сильная банда. Найденова пытались убить. Его в упор расстреляли из автомата «Агран», но он, истекая кровью, на машине ушёл от киллеров и выжил. Одна из пуль попала в челюсть, отчего на лице остался устрашающий шрам. Я ехал в Смоленск, рассчитывая на помощь Петра Акимовича.

В девять я припарковался у трехзвездной гостиницы «Респект». Не заходя в номер, заказал в кафе яичницу с ветчиной, горячее молоко и булочку со сливовым джемом. Утолив голод, поднялся в номер, побрился, принял душ и позвонил Найденову.

– Сейчас за тобой заедут, – сказал он.

Минут через двадцать у гостиницы остановился синий опель без переднего бампера. Из машины вышел молодой человек лет двадцати восьми, уверенно направился ко мне. Убедившись, что я именно тот, кто ему нужен, опер (а я был уверен, что это опер) лихо рванул с места.

– Где вы потеряли бампер? – не удержавшись, спросил я.

– Ловили одного типа, – безразлично ответил парень.

– Машина ваша?

– Моя.

– Не жалко?

– Жалко. Начальник обещал оплатить ремонт.

Через четверть часа мы остановились у дома, ограждённого глухим забором. Ворота автоматически распахнулись, машина въехала во двор. Когда ворота закрылись, на крыльцо вышел Найденов – среднего роста, мускулистый, с короткой стрижкой. Мы обнялись.

– Извини, что привёз сюда, – сказал Найденов. – Здесь нам никто не помешает.

Дом принадлежал сестре подполковника. Она была на работе, роль хозяина взял на себя Найденов. Пётр заварил хороший чай, бросил в чашки по дольке лимона, подвинул конфеты и сахар.

– С чего начнём? – спросил я.

– С взрывчатки, – предложил подполковник.

– Установлен тип?

– Нет ещё. Но эксперты сказали, что это не самоделка. Взрывчатка заводского производства.

– За что его могли убить?

– Понятия не имею. Но только убили его непростые ребята.

– Почему?

– Они сумели заложить взрывчатку внутрь бронированного джипа. А джип стоял в охраняемом гараже.

– Подкупили охрану, кого-то из водителей?

– Проверяем.

- Мина часовая?
- Да.
- Значит, киллер хорошо знал график его перемещения. Машина взорвалась в движении?
- Он ехал на встречу.
- С кем?
- С кем-то из Москвы.
- Личность установили?
- Устанавливаем.
- Кого охраняла фирма?
- Нескольких влиятельных персон, одну автостоянку.
- И всё?
- Всё.
- И на это он жил?
- Мы проверили его доходы. Их едва хватало, чтобы оплачивать аренду офиса и платить зарплату охранникам.
- А сам зарплату получал?
- Пятнадцать тысяч рублей в месяц.
- И при этом содержал дорожный мерседес? Был ли у него ещё какой-нибудь бизнес?
- Официально – нет.
- А неофициально?
- Ничего.
- За что же его могли убить?
- Найденов пожал плечами.
- Как думаешь, убийство сына и отца как-то связаны между собой? – спросил я.
- Интуиция подсказывает, что связаны, – сказал Найденов. – Но доказательств нет.
- А за что могли убить заместителя командующего?
- Возможно, по ошибке. Хотели убить сына, а убили отца.
- Ты думаешь ребята, которые так ловко взорвали сына, могли промахнуться с отцом?
- Найденов снова пожал плечами.
- Давай прикинем, – предложил я, – какими возможностями обладал заместитель командующего стратегической авиацией?
- Он распоряжался самолётами.
- Стратегическими бомбардировщиками.
- Не только. Там наверняка используется и вспомогательная авиация.
- И что?
- Самолёты могли что-то перевозить.
- Что они могли перевозить?
- Людей.
- Я скривился и покачал головой.
- Наркотики.
- Вряд ли.
- Контрабанду.
- Но они же за рубеж не летают.
- Ну и что? Контрабанду, доставленную через границу, могут перебрасывать дальше.
- Что это может быть?
- Наркотики.
- Что ещё?

– Может, с Дальнего Востока возили красную икру? Хотя у нас нет информации о том, что в область поступает большое количество морепродуктов.

– Значит, не морепродукты.

Найденев отхлебнул остывший чай.

– А может, алмазы? – предположил он.

– При чем здесь алмазы? – удивился я.

– Они могли возить из Якутии алмазы, – пояснил Найденев. – Военные самолеты никто не досматривает.

Это была блестящая догадка! Похищенные алмазы самолетами могли доставлять в Смоленск, здесь на бриллиантовом заводе их обрабатывали и левые драгоценные камни выбрасывали на продажу.

– Отличная версия! – воскликнул я.

– Но в таком случае смерть генерального директора бриллиантового завода приобретает совершенно иной смысл, – заметил Найденев.

– Очевидно, – согласился я. – Смотри, что получается. На одном конце – заместитель командующего. Он мог организовать доставку в Смоленск ворованных алмазов. На другом – директор завода, на котором эти алмазы превращали в бриллианты. Оба убиты. Смерть Артёма тоже не случайна. Охранная фирма – это, видимо, так, для отвода глаз. Алмазы – вот его настоящий бизнес! Он мог быть звеном между Якутией и Смоленском. А если это так, то обрати внимание: за месяц уничтожена вся цепочка.

– Может быть... – задумчиво произнес Найденев.

– Ты был на месте гибели генерала? – спросил я.

– Конечно.

– Можешь показать мне это место?

– Зачем?

– Если бы я знал!

Найденев не стал вызывать опера, который привёз меня к нему, а сам сел за руль корейского джипа. Спустя час с небольшим на трассе Смоленск-Москва мы остановились. Вышли из машины. Найденев сделал несколько шагов вперед.

– Вот на этом месте стояла ауди генерала, – сказал он.

– Она стояла на обочине? – спросил я.

– Да.

– То есть, по ней стреляли, когда она стояла?

– Да.

– А почему она стояла? Сломалась?

– С машиной было всё в порядке.

– Может, колесо спустило?

– Колёса я сам осматривал, они были целы.

– Машина со стрелявшим ехала навстречу или следом?

– Следом. Вот здесь она притормозила, и киллер открыл огонь. Практически в упор.

– В какую сторону уехали?

– В сторону Москвы.

– И что, в это время на дороге не было других машин?

– Ни одной.

– Дорогу впереди или позади никто не перекрывал? Скажем, полиция, строители.

– Я проверял: не перекрывали. Пятый час утра. В это время здесь пусто.

– Почему же он остановился?

– Может, по нужде вышел.

– А может, его кто-то остановил?

Время от времени мимо проносились тяжёлые фуры. Отбрасывая в обе стороны спрессованный горячий воздух, этой упругой волной они словно хотели смахнуть нас с обочины.

Я шёл медленно, глядя под ноги, но ничего интересного не попадалось. Метрах в тридцати от дороги одиноко росла старая сосна, похожая на рогатку. Я подумал, что, если бы я поджидал генерала, ждал бы его именно здесь, у сосны. Отсюда дорога хорошо видна в обе стороны. Сам же, слившись с сосной, оставался бы незаметен. Я сошёл с дороги. Обошёл сосну, раздвигая ногами траву. Сделал круг, второй... Под толстым корнем, уходившим под землю, словно высоковольтный кабель, что-то блеснуло. Я наклонился. На мягком покрове из рыжих иголок лежала золотая зажигалка. Вынул носовой платок, поднял её. Это была газовая зажигалка для курительных трубок китайской фирмы «Джобон»: её боковое сопло позволяло раскуривать трубку, не обжигая пальцы. На корпусе была нарисована черная трубка. Я осмотрел находку. Обратил внимание, что на нижней стороне сделаны две глубокие параллельные риски.

– Что там?! – крикнул Найденов.

Я вышел на дорогу, показал зажигалку.

– Ты думаешь, она имеет какое-то отношение к убийству? – спросил Найденов.

– Там мог прятаться тот, кто остановил машину генерала.

Найденов посмотрел в сторону сосны, перевёл взгляд на место, где стояла машина заместителя командующего, что-то прикинул в уме. Вынул носовой платок, взял зажигалку, внимательно осмотрел её. Пальцем через платок нажал кнопку – пламя с лёгким шумом вырвалось из сопла.

– Дорогая, наверное, – заметил Найденов.

– Долларов тридцать, – предположил я.

Мы снова двинулись по обочине.

– Давай представим, как всё могло произойти, – предложил я. – Очевидно, что акция хорошо спланирована. В ней принимало участие как минимум трое.

– Почему трое? – удивился Найденов.

– Киллер – раз. Водитель – два.

– А может, киллер сам сидел за рулём?

– Киллер должен был думать не только о том, чтобы расстрелять генерала, но и о том, чтобы ни одна гильза не упала на дорогу. Он не мог быть ещё и водителем.

– Логично.

– Третий тот, кто остановил машину. Вопрос: как он это сделал?

– Имитировал поломку машины.

– Имитировал поломку машины... – повторил я, словно эхо. – Раннее утро... Едва рассветло... Машина генерала идет со скоростью 150 километров в час...

– Почему 150?

– Ну, 140. Ты видишь, как здесь носятся фуры? А чтобы на такой трассе ауди шла с меньшей скоростью, представить трудно. И вдруг он видит стоящую на дороге машину, голосящего водителя. Остановился бы он? Какой-нибудь капитан на жигулях остановился бы. Генерал на ауди – никогда. Кроме того, не забывай: если он действительно был завязан в криминальной схеме с алмазами, он обязан был быть подозрительным. Он проехал бы мимо.

– Но он остановился!

– В том-то и дело! – выдохнул я. – Что его могло остановить?

– А что, если он знал того, кто его остановил? – предположил подполковник.

Я хлопнул Найденова по плечу.

– Акимыч, ты определённо сегодня в ударе! Если его остановил человек, которого он хорошо знал, зажигалка наверняка его.

В Смоленск мы вернулись около шести вечера. Снова заехали к сестре Найденова. На этот раз сестра была дома. Она сварила картошку, нажарила котлет, выложила на блюде

маринованные грузди. Акимыч достал из холодильника бутылку водки. Всё было невероятно вкусно!

Пужинав, сытые и расслабленные, мы перешли в комнату, прихватив по рюмке коньяка.

– Как думаешь, сколько людей кормилось от этой криминальной схемы? – спросил я.

– Думаю, не много, – разумно рассудил подполковник. – Но это были очень важные люди.

– Командующий стратегической авиацией мог быть в деле?

– Несомненно!

– Министр обороны?

– Само собой.

– В таком случае, кто мог покуситься на их интересы?

Найденов посмотрел на меня.

– Насколько я понимаю, зажигалку не оформлять протоколом? – спросил он.

– И не отдавай военным следователям, – сказал я. – Сними только отпечатки.

Лето, увязшее в пчелиных сотах

Август выдался жарким. Казалось, землю подтащили к солнцу, и теперь не было спасения от этой космической жаровни. Даже ночью. Тонкая перкалевая простыня грела как одеяло, а вентилятор гонял тёплый воздух, создавая слабую иллюзию прохлады. Движения стали заторможенными, мысли – ленивыми. Хотелось к морю.

В эти дни я часто вспоминал моих новых знакомых, Ивана и Марту, представлял их у реки и ужасно завидовал им. Мысленно следовал за ними в тени кустарников, бродил босиком по траве, подолгу не вылезал из реки... В такую жару Марта, должно быть, в широкополой шляпе сидит у мольберта. Интересно, что она рисует? Наверное, что-то очень конкретное: узор на спине жука, ажурные наличники на старом доме, прожилки на лопухах... Насколько я успел понять, у неё очень конкретный взгляд на окружающий мир. Я ещё раз пожалел, что совершенно не умею рисовать. Но если бы умел, непременно попытался бы нарисовать август. Я не представлял, как это можно сделать. Ведь ни серебристое облако из крылышек стрекозы, зависшей над тёплой водой, ни разомлевший от жары подорожник, ни расплавленный горизонт – ничто не в состоянии передать то смиренное блаженство, в которое словно в тигле переплавляются зной и тайная радость от ощущения, что тебя пронзают солнечные мечи. Нужно быть достаточно сумасшедшим, чтобы изобразить то, что можно только ощутить.

Именно в эти жаркие дни на Ильинке взлетел на воздух бронированный мерседес заместителя министра финансов Ставраки. Постовой полицейский и один из выживших охранников видели того, кто подложил под машину магнитную мину. Это был мужчина лет шестидесяти, а, может, и старше. На нём балахоном висел тонкий светлый плащ, лёгкая белая шляпа с широкими полями бросала тень на лицо. Аккуратная седая борода придавала облику мужчины вид чудаковатого, старомодного профессора. В правой руке мужчина нёс полиэтиленовый пакет. У мерседеса он споткнулся, упал, выронил пакет. Из пакета посыпались апельсины, часть их закатилась под машину. Поднявшись, «профессор» неловко начал собирать фрукты. Видимо, когда доставал апельсины из-под машины, тогда и прилепил под днище мину.

Всё это зафиксировали видеокамеры. Раз пятьдесят я смотрел записи, пытаюсь разглядеть что-то особенное, но ничего не заметил. Рост у мужчины был выше среднего. Борода, видимо, накладная. Мне показалось, что на самом деле мужчина был моложе того возраста, который изображал. Но, надо сказать, роль пожилого интеллигента он сыграл хорошо. Неуверенная походка, неуклюжее падение, неловкие движения при сборе апельсинов... Заложив мину, он так же неторопливо ушёл. Потрясающее хладнокровие!

Ситуация была похожа на убийство заместителя губернатора Нижегородской области Гроздина – тот же трюк с переодеванием. Здесь киллер переоделся священником. Выхватил из-под рясы пистолет, одной пулей уложил Гроздина, четырьмя – двух охранников и растаял, будто его и не было.

В списке странных убийств, который я составил, значился и московский журналист. Его зарезали за то, что пытался выяснить, каким образом из страны нелегально вывезли 800 тонн золота, принадлежащих частным золотодобывающим компаниям. Я поднял материалы уголовного дела, которое вёл мой коллега Коля Харитонов. В деле лежали бумаги, подтверждающие, что 800 тонн российского золота действительно поступили в один из Бельгийских банков. Но если это так, то это должна была быть очень серьёзная операция, в которой были задействованы государственные чиновники самого высокого уровня!

После трех недель жары пошли дожди. Они начались ночью. К полуночи небо затянуло тучами, сверкнули молнии, громыхнул гром и полились вода. Стало прохладно, свежо и покойно. Впервые за последние дни, распахнув все окна, я спал крепким сном.

Дождь лил весь день. К вечеру прекратился, выглянуло солнце, над Сокольниками выгнулась радуга – весёлая, как детская игрушка. Иван позвонил именно в эту пору.

– Напрасно вы не поехали с нами, – сказал Иван. – Это была замечательная поездка. Марта сделала множество рисунков. Она так увлечённо работала, что даже я взялся за кисть. Но в основном рыбачил. Как жаль, что вас не было!

Иван пригласил меня в гости.

– Мы должны отчитаться перед вами о поездке, – сказал Иван. – Кроме того, Марта очень хорошо готовит.

Договорились встретиться на следующий день в семь вечера. Я купил две бутылки шампанского, коробку конфет и белые розы.

Марта жила на Гарибальди в новом кирпичном доме на десятом этаже. Квартира была небольшая, двухкомнатная, с лоджией, отлично отремонтированная и со вкусом оформленная. Комнату и кухню разделяла арка, будто встроенная в книжный шкаф. На стенах висели три десятка рисунков, привезённых из Плеса. Как я и предполагал, в большинстве это были детально прописанные карандашом одуванчики, крапива, васильки, божья коровка... Марта была бы непревзойдённым иллюстратором учебников по ботанике. Но я не мог этого сказать вслух.

Среди малоинтересного гербария моё внимание привлекла лишь одна работа, написанная маслом. Вблизи картон можно было принять за палитру, но метров с пяти краски начинали плавиться. Жёлтый цвет нескольких оттенков отдавал жаром, погрузив в сон кусты и поля. Это было лето, увявшее в пчелиных сотах.

Готовила Марта действительно превосходно. Она выставила на стол салат из грецких орехов и сыра, острый лобио, хачапури и великолепные голубцы. Пока мы рассматривали этюды, шампанское в холодильнике остыло. С него мы и начали.

Марта была в белых брюках и белой свободной блузке. Иван – в защитного цвета брюках и белой футболке, плотно облегавшей его мощный торс. От моих друзей исходил запах ветра и трав. Потом я понял, откуда такое впечатление: Марта пользовалась туалетной водой с тонким, едва уловимым запахом полевой свежести.

– Мы снимали мансарду в обычном деревянном домике, – рассказывала Марта. – Там стояла железная кровать, старый комод, круглый стол, покрытый плюшевой скатертью. Хозяйка готовила завтраки и обеды, а ужины готовила я. Не знаю, как Иван, а я просыпалась с невероятным ощущением лёгкости, почти счастья. После завтрака мы отправлялись к Волге. Если нам нравилось место, я садилась за мольберт, а Иван забрасывал удочку. Вечером сидели на веранде и смотрели, как опускаются сумерки. Они приходят незаметно, неслышно, словно кошка. Вот ты видишь, как блестит Волга, и вдруг – река исчезает. И вспыхивают звёзды.

– Если бы не комары, чёрт бы их побрал! – внёс нотку реализма в романтический рассказ Иван.

– И ничего страшного, – возразила Марта. – Мы смазывались специальным лосьоном.

– Как улов? – поинтересовался я.

– Когда как. За всё время я поймал десятка два лещей и краснопёрок.

– Вы себе не представляете, как быстро летело время! – воскликнула Марта. – Только когда Иван вынужден был на три дня вернуться в Москву, я не знала, куда себя девать.

– Позвонили с работы, – пояснил Иван, – пришлось уехать.

– У них, у адвокатов, – сказала Марта, – своеобразная жизнь: то затишье, то штурмовщина.

Так я узнал, что мой новый знакомый – адвокат.

– Простите, Андрей, а чем занимаетесь вы? – поинтересовалась Марта.

– Я следователь, – сказал я.

– Вот это да! – воскликнула Марта, всплеснув руками. – Никогда не видела живого следователя.

– Вы следователь федерального Следственного комитета? – профессионально осведомился Иван.

– Да.

– По особо важным делам?

– Да.

– В таком случае, давайте познакомимся поближе, – предложил Иван. – Комын, адвокат.

– Омелин.

– Если вы не против, представлюсь и я: Домбровская. Марта. Свободный художник.

Иван разлил по бокалам шампанское.

– За знакомство! – сказал Иван и осушил бокал. Шампанское шло легко, я его выпил с жадностью.

– А что вы расследуете, Андрей? – спросила Марта.

– Убийства, взятки, хищения в особо крупных размерах...

– А сейчас?

– Убийства.

– Убийства? – переспросил Иван. – Их много?

– К сожалению.

– Как интересно! – воскликнула Марта. – И что это за убийства?

– Странные убийства, – сказал я. – Людей убивают в разных городах. Убивают, не оставляя следов.

– Как же вы найдёте преступников, если они не оставляют следов? – удивилась Марта.

– Что-нибудь, да оставляют, – заметил Иван. – Безупречных преступлений не бывает.

– Эти не оставляют, – сказал я.

Мне хотелось поделиться своими размышлениями с моими новыми друзьями, умными и обаятельными, но профессиональная этика держала меня за язык. Я ещё не очень хорошо знал моих друзей, расположенных ко мне чрезвычайно дружелюбно.

Мы снова рассматривали этюды. На этот раз Марта поясняла, в каком месте сделан рисунок, рассказывала забавные истории, которые сопутствовали ему. Например, когда рисовала ветку бузины, подошла пасшаяся недалеко корова. Она смотрела на Марту так долго, что художница прекратила рисовать бузину и стала рисовать корову. Та стояла терпеливо, иногда пощипывала траву, и можно было подумать, что животное понимает, кто перед ним и что делает. Закончив, Марта отдала буренке все круассаны с клубничным джемом, которые захватила из дома.

– То-то хозяйка удивилась, когда после дойки обнаружила, что у молока вкус клубники! – рассмеялся Иван.

Я снова остановился у картона с названием «Лето». Несомненно, Иван был очень талантливым художником.

Мы расстались около полуночи. Иван довёл меня до такси, пожал на прощание руку, а спустя полчаса позвонил, уточнив, благополучно ли я добрался до дома.

Тернер и море

Знакомство с Иваном и Мартой произвело на меня сильное впечатление. Люди, с которыми я общался, были в основном мои коллеги следователи, оперативные сотрудники полиции и ФСБ, прокуроры, свидетели, подозреваемые и обвиняемые. Это был мир человеческих драм и трагедий, изощрённых интриг, жестокости, коварства и слёз. Мир Ивана и Марты был ярким и светлым. В нём торжествовали солнце и краски. Их отношения и они сами напоминали сочную акварель. От одного взгляда на неё становилось до того радостно, что хотелось подпрыгнуть и сделать сальто.

После нашей встречи у Марты прошла всего неделя, как позвонил Иван.

– В Пушкинском открылась выставка картин Тернера, – сказал Иван. – Давайте сходим.

Мы встретились у музея в половине одиннадцатого следующего дня.

– К общению с прекрасным нужно готовиться, – сказал он и повёл меня через дорогу в кафе. Заказал по пятьдесят грамм коньяка и кофе.

– Вы знакомы с Тернером? – спросил он, опрокинув содержимое рюмки.

– Поверхностно, – сказал я.

– Тернер...

Иван ушёл в себя, словно увидел там человека, чьё имя только что произнёс.

– Непостижимый Тернер...

Он отпил кофе.

– Вообще-то я должен был стать шахтёром, – сказал Иван. – Как мой дед, отец, старший брат. Я привык к запаху антрацита. Но когда мне было тринадцать, в журнале увидел репродукцию картины Тернера «Рыбаки в море». Я никогда не видел моря. Я был потрясен! Лодку накрывали волны... Светила луна... От её света блестели облака и море... Тревога и очарование. Простор и стихия. Я понял, что не стану шахтёром.

– Но и моряком вы не стали, – заметил я.

– Почему не стал? – возразил Иван. – Я закончил мореходку в Измаиле. У меня специальность моторист и водолаз.

– А потом?

– Потом на буксире таскал баржи по Чёрному морю.

– Почему же вы оставили море?

– Оно оказалось не таким, как я увидел его на картинах Тернера.

– Не таким романтичным?

– Дело в людях. Они испоганили море. На флоте процветала контрабанда. Из-за границы таскали кримплен, мохер, часы... Противно это. Да и сам образ жизни моряка вгонит в тоску любого. Стали в порту, первым делом куда? В кабак. Оттуда – к проституткам. Новый порт – снова кабак, снова проститутки. Однажды в Новороссийске, притаившись из портового кабака, упал на койку и задумался: на что трачу жизнь? Вернулся домой, пошёл в военкомат. Служил мотористом на дизельной подводной лодке. Но потом снова встал вопрос: что дальше? Возвращаться на буксир не хотелось. И я подал документы на юридический факультет МГУ.

Мысленно я сбросил Ивану лет двадцать пять. Передо мной предстал томный юноша с профилем Блока. В глазах, словно промытых родниковой водой, колыхается будущее – как василёк среди ржи. Во все времена непостижимая морская стихия смыкает с берега молодых людей, бредящих приключениями. Ветер, штормы, миражи на горизонте, калейдоскоп городов и людей, особый просоленный сленг – против этого ничто не может устоять. Оно манит, как песня сирен. Но в этом замечательном окрылённом порыве, влекущем к открытиям, подвигам и славе, таится большая опасность. Реальная жизнь всегда отличается от юношеских представлений о ней. И если не найти в себе сил примирить эти две противоположности, можно озло-

биться на весь белый свет. По своему опыту я знал: именно такие разочарованные романтики пополняют криминальный мир. Иван прошёл по опасной грани.

Я допил коньяк, Иван расплатился, и мы направились на встречу с работами человека, который так сильно повлиял на судьбу моего спутника.

Иван превосходно знал и биографию художника, и историю написания многих картин. Мимо некоторых он проходил, не задерживаясь, у некоторых подолгу стоял. Иногда приближался к полотну, рассматривал мазки. Так, он надолго задержался у картины «Снежная буря». Он то подходил к полотну, то отдалялся, то снова едва ли не утыкался носом в высохшие краски.

– Не могу понять, как он это сделал! – сказал Иван. – Вы видите: корабль гибнет!

– Он знал, о чём писал, – заметил я.

– В бурю Тернер попросил матросов привязать его к мачте, чтобы наблюдать весь этот ужас.

– Тогда понятно, почему он сумел это сделать.

– Я видел то же самое.

– Всё так похоже?

– Один в один! Ты теряешь опору, не знаешь – где верх, где низ. Все вокруг тебя кипит и рушится. Ты испытываешь животный страх. Но в то же время тобой овладевает восторг – оттого, что ты участник этой безумной стихии! Говорят, на самом деле Тернер не переживал бурю на корабле. Но я не верю. Иначе бы он не смог всё это написать.

Следующей картиной, у которой надолго задержался Иван, был «Закат на озере».

– Говорят, он писал подкрашенным паром, – сказал Иван. – Смотрите, как это точно!

– Но я не вижу здесь озера! – воскликнул я.

– Как? – удивился Иван. – Вот же оно!

– Что внизу, что вверху – всё одинаково.

– Когда солнце садится, оно заливают светом всё: и небо, и воду, – пояснил Иван. – Потому создается впечатление, что они сливаются.

Пройдя всю выставку, Иван вернулся к картине, у которой мы не задержались вначале – «Рыбаки в море». Хилую лодку со спущенным парусом вот-вот должно было накрыть крутой волной. В лодке горел фонарь, люди, вверив свои жизни Господу, уходили в неизвестность. Хотелось оказаться с ними и разделить их судьбу. Почему-то было ощущение, что они выживут и вернуться домой – непохожие на тех, кто оставался на берегу. Пронизанные солёным ветром, осыпанные лунной пылью, скользнувшие по грани между жизнью и смертью в мир лавок и вечных долгов, они принесут неуловимый запах жизни иной, непостижимой, доступной лишь сумасшедшие отчаянным...

Иван стоял, забыв обо мне. Казалось, он пытался вернуть те же ощущения, которые испытал в детстве, когда впервые увидел картину. Видимо, это было сделать непросто – между романтической ночью и зрелым человеком лежали контрабанда, кабаки и проститутки. Возможно, что-то ещё...

В какую-то минуту Иван резко отвернулся от картины. «Пошли отсюда!» – сказал он.

Странный буксир

Утром, едва я вошёл в кабинет, как тут же, почти следом за мной, вкатился мой шеф – начальник Управления Василий Георгиевич Греков. Он был приземист, толст, с добродушным детским лицом. У него было одиннадцать детей. Это обстоятельство сделало его знаменитым. О том, что в Следственном комитете есть человек, родивший почти дюжину детей, знали в следственных управлениях от Калининграда до Владивостока. Над Грековым подшучивали. Он не обижался, а говорил, что дотянет до чёртовой дюжины и, возможно, тогда остановится. Все недоумевали: как он сводит концы с концами? Именно Грекову принадлежала идея выделить человека, который бы вёл своё, самостоятельное расследование загадочных убийств.

– У тебя новое дело, – бросил он. – Во Владивостоке ещё одно убийство.

– Кто?

– Кафар.

– Иностранец?

– Криминальный авторитет. Кафар – кличка.

– Как его убили?

– Во время плавания под водой с аквалангом перерезали шланг.

– Один вряд ли это мог сделать.

– Их было как минимум двое.

– Есть версии, за что его убили?

– У такого авторитета врагов – хоть отбавляй.

– Что собой представлял Кафар?

– Оч-ч-чень влиятельный человек! Был дружен с губернатором. Участвовал в разделе Рыбхолодфлота. Патронировал торговлю подержанными японскими автомобилями. Говорят, у него свой краболов. Может, там ты найдёшь подсказку для своих расследований.

– Ты думаешь?

– Чем больше преступлений, тем больше вероятность, что они хоть в чём-нибудь ошибутся. Дело ведёт мой старый знакомый Толя Сербин. Позвони ему.

Встречавший меня в аэропорту Сербин внешне напоминал Грекова: на коротких ногах катилось бочкообразное тело. Меня подмывало спросить, сколько у него детей, но я удержался. Моя рука утонула в пухлой руке следователя.

Сербин сам сел за руль тойоты.

– Греков ввёл вас в курс дела? – спросил Сербин.

– В общих чертах.

– Убили крупного авторитета. Убили под водой – перерезали шланг акваланга. Версий о том, кто это мог сделать, пока нет. Киллеры тоже были с аквалангами. Охрана на берегу не заметила ничего подозрительного.

– Раз киллеры пришли под водой, у них должна была быть база – место, где они переоделись, спустились под воду, куда вернулись... У них должна была быть машина, – предположил я.

– Вряд ли, – усомнился Сербин. – Бухта Теляковского, где это произошло, далеко от Владивостока. Это дикое место, туда практически нет дорог. Вероятнее всего, они пришли на катере. Мы обшарили побережье километра два в одну и другую сторону. Базу не обнаружили.

– Значит, они работали очень аккуратно. У них должен был быть кто-то, кто наблюдал за Кафаром на берегу. Он должен был сообщить киллерам о том, что объект вошёл в воду.

Сербин подвёз меня на Тигровую улицу к гостинице «Владивосток». После восьмичасового ночного перелёта я завалился спать. Проспав часа три, принял душ, позвонил Сербину. Он заехал за мной. В ресторане мы заказали солянку, отбивную с рисом и чай.

- Вы сказали, что на берегу ничего не обнаружили, – начал я. – А под водой?
- Тоже ничего!
- Вы сами спускались под воду?
- Сербин удивлённо посмотрел на меня.
- Ещё не пошили такой гидрокостюм, который бы мне подошёл.
- А где брали водолазов?
- У военных.
- Что за военные?
- С острова Русский.
- Спецназ?
- Да.
- Берег далеко просматривается в оба конца?
- Нет. Берег извилистый, скалистый. Если бы кто-то появился, его бы непременно заметили.
- Откуда могли прийти киллеры?
- Да хоть откуда! Например, могли пристроиться за соседним мысом. Оттуда до места, где нырял Кафар, минута ходу на ластах.
- Вы говорите, что преступники вряд ли добрались по берегу?
- Очень долгий и трудный путь! Вероятнее всего, они пришли по воде.
- Катер кто-нибудь видел, слышал?
- Нет. Только буксир стоял километрах в двух.
- Буксир?
- Да, военный буксир.
- Что он там делал?
- Не знаю.
- Вы не наводили о нём справки?
- Нет. Военный же...
- Они могли кого-то видеть на берегу.
- Еда была отвратительная: солянка оказалась кислой, мясо – жесткое, рис – сухой. Мы заказали мороженое.
- Как вы думаете, почему его убили? – спросил я.
- Не могу понять. Кафар был видной фигурой. Он не был святым, но и подонком не был. Это был изворотливый, циничный и достаточно жёсткий регулятор криминального мира.
- У вас есть выходы на кого-то из ближайшего окружения Кафара?
- Есть. Но никто из них на контакт не идёт.
- Почему?
- Простите за уголовный сленг: запахло.
- Я попробую.
- Вас подстраховать?
- Нет. Это только помешает.
- Сербин дал номер телефона Бугрима.
- Бугрим – фамилия или кличка?
- Фамилия. Зовут Юрий Вениаминович.
- Сколько ему лет?
- Пятьдесят один. В прошлом боксёр. Интеллектуал: закончил четыре курса Бауманки.

Ужин в ресторане «Семь футов»

Тем же вечером я позвонил Бугриму. Мне ответил голос низкий, ровный, приятный. Не представляясь, я попросил о встрече.

- Кто вы? – спросил Бугрим.
- Если согласитесь, всё объясню при встрече, – сказал я.
- На том конце провода задумались.
- Знаете ресторан «Семь футов»? – спросил Бугрим.
- Нет, но найду.
- Скажете метрдотелю, что ко мне – он вас проводит.

Ресторан «Семь футов» располагался недалеко от гостиницы, в которой я остановился. Это был очень пафосный ресторан! В большом зале на первом этаже пол был выстлан светлой узкой доской и напоминал палубу. У бара на стене крепилось огромное рулевое колесо. Столы под белыми скатертями окружали синие кресла.

Метрдотель повёл меня на второй этаж. Постучал в дверь, открыл, пропустил меня и снова притворил дверь. Я оказался в небольшой комнате, отделанной красным деревом. На стенах висели барометр, часы, картины с морской тематикой. Посреди комнаты стоял круглый стол с салфетками, сложенными вертикально, словно свечи. Вокруг стола, будто медведи вокруг улья, сгрудились шесть бурых кресел из натуральной кожи. Над столом висела яркая лампа.

Навстречу мне сделал несколько шагов мужчина выше среднего роста, плотного сложения, с лицом крупным, умным, невозмутимым. Поседевшие редкие волосы были зачёсаны на пробор. На Бугриме, словно влитая, сидела тройка из серого твида, что придавало ему вид английского джентльмена. Серые глаза мужчины ощупывали меня быстро и внимательно. Властным жестом хозяин кабинета пригласил за стол.

- Будете ужинать? – спросил Бугрим.
- Не откажусь.
- Выпьете?
- Можно.

Официант принёс меню. Выбор был великолепен!

- Если позволите, я порекомендую палтус в медовой корочке, – сказал Бугрим.

Оборот «если позволите» заставил внимательнее посмотреть на принимавшего меня. Мужчина напоминал актёра, всю жизнь игравшего главные роли.

- Ну что же, давайте отведаем палтус в медовой корочке, – согласился я.
- Что будете пить?
- Я бы не отказался от рюмки водки.
- Здесь хорошая украинская водка «Истинная классическая».
- Давайте украинскую.

Бугрим сделал заказ, мы остались наедине. Глаза Бугрима буравили меня сантиметр за сантиметром.

- Можете не представляться, – сказал Бугрим. – Я навёл о вас справки.
- Тем лучше, – сказал я.
- Вы приехали в связи с убийством Кафара? – спросил Бугрим.
- Да.
- Что вы хотите от меня?
- Помочь найти убийц.
- А местные не справятся?
- Это очень странная смерть.

– Ну да, – усмехнулся Бугрим, – не каждый день убивают под водой.
– Кто знал о том, что Кафар собирался в тот день в бухту Теляковского?
– Охрана, друзья...
– Как обнаружили его тело?
– У него запас кислорода рассчитан почти на час. Минут через сорок пять мы стали беспокоиться.

- Он не был привязан к фалу?
- Он не любил привязывать фал.
- Он плавал с ножом?
- Да, но ножа при нём не оказалось.
- Следов борьбы не видели?
- Нет, всё было тихо.
- А нож потом не искали?
- Искали. Но не нашли. До нас там всё обшарили моряки. Может, они нашли.
- Не нашли.
- Вы уверены?

Мне показалось, во взгляде Бугрима мелькнула ирония.

- Как думаете, почему его убили?
- Кому-то перешёл дорогу.
- Кому?
- Мало ли людей по дорогам ходит!

Бугрим помолчал.

– Сева был хороший мужик. Он был моложе меня, но умнее и расторопнее. Он запросто мог бы возглавить правительство!

Официант принёс водку, разлил по рюмкам. Затем положил рыбу.

– Пусть земля ему будет пухом! – сказал Бугрим и опрокинул жидкость в своё уже давно не тренированное тело.

Я сделал то же самое.

– Это странная смерть не потому, что человека убили под водой, – сказал я. – Она странная тем, что исполнена очень профессионально. И тем, что подобные убийства происходят в разных городах. Киллеры не оставляют следов. Мы хотим найти их.

- Бог в помощь! – сказал Бугрим.
- Если, конечно, вы нас не опередите, – вбросил я провокационную фразу.
- Мы не полиция, – заметил Бугрим.
- Я не завидую тем, кто решился убрать Кафара, – сказал я, всё же пытаясь вытянуть собеседника на откровенность.

Уловка не удалась – Бугрим промолчал.

– Я не прав?

Бугрим не ответил.

– Вы что-то знаете, но не говорите, – сказал я.

– Почему вы так решили?

– Так мне кажется.

– Я не знаю вас, – сказал Бугрим. – Может, вы и приличный человек, но пока я этого не знаю.

Мы выпили ещё по рюмке.

Когда закончили ужин, Бугрим предложил охрану, чтобы меня довезли до гостиницы. Я отказался.

- Вы думаете, нашу встречу не отфиксировали? – спросил он.
- Кто?

- Кому до всего есть дело.
- Бог не выдаст – свинья не съест.
- Бугрим снова усмехнулся.
- А если Бог с ними заодно?

В номере я плюхнулся в кресло, положив ноги на стул. Похоже, Бугрим заинтересовался нашей встречей. Сейчас наверняка анализирует наш разговор, прикидывая, чем я могу быть ему полезен. Причем наверняка делает это не один. Несколько дней назад Кафара похоронили. Хоронили как национального героя. Весь криминальный мир Дальнего Востока простался с ним. Тот, кто решился на убийство такого человека, не мог не понимать – непременно последует ответная реакция. Друзья Кафара перевернут город, но из-под земли достанут и убийц, и заказчика. Однако по разговору с Бугримом не похоже, чтобы они готовы были перевернуть город. Почему? Чего-то боятся? Но кого могут бояться люди, прошедшие огонь и воду? И кто в этом крае может быть сильнее их?

На следующий день мы встретились с Сербиным на набережной Спортивной бухты. У причала на слабых волнах покачивались яхты, а вдоль горизонта в полукилометре от берега скользил трёхмачтовый парусник «Надежда». Казалось, стая лебедей села на его мачты, раскинув белоснежные крылья.

- Ну что? – с нетерпением спросил Сербин.
- Поговорили.
- И что?
- Ничего он мне не сказал.
- Черт! – ругнулся Сербин.
- Но у меня сложилось впечатление, что он что-то знает.
- Он намекнул?
- Нет. Мне показалось, он хотел что-то сказать, но не решился.
- Может, ещё раз встретиться?
- Я на это рассчитываю.
- Он обещал позвонить?
- Нет, но я буду ждать.
- А если не позвонит?
- Я развёл руками.
- А что у вас? – задал и я свой вопрос.
- Военные ответили, что буксир действительно находился в том месте в связи с поломкой.
- Опросите команду, – предложил я. – Возможно, они что-то видели.

Мы сели на скамейку. Парусник бросил якорь. Команда ловко убрала паруса, и теперь мачты, растопырив реи, напоминали осыпавшуюся новогоднюю ёлку в конце января. Чайки, толкая друг друга и крича, терзали тело какой-то рыбыны, прибитой к берегу. Мы посидели ещё немного, прошлись вдоль берега и попрощались.

Бухта Теляковского

Вернувшись в номер, я не покидал его до конца дня. Устроившись поудобнее в кресле, читал Гроция. Бугрим в тот день так и не позвонил. На следующий день я пошёл бродить по городу. С Тигровой сопки свернул на Алеутскую и наткнулся на странный памятник. Человек стоял, широко расставив ноги, взяв руки в бока. Голова его напоминала бильярдный шар, смотрел он дерзко, с вызовом. Я пытался угадать, кто это, но безуспешно. Оказалось, это был Юл Бриннер. Я недоумевал: каким ветром сюда занесло этого бритоголового парня из знаменитого американского вестерна «Великолепная семёрка»? Вместе со школьным другом мы посмотрели фильм трижды. Мы повторяли брошенные им фразы таким же небрежным тоном, вырабатывали его самоуверенную походку и умение в мгновение ока выхватывать из кобуры кольт. Мы и не подозревали, что этот лысый кумир, укрощавший бандитов на диком Западе, – наш земляк. За памятником, на возвышенности, стоял трёхэтажный дом в стиле модерн. Как сообщалось на мемориальной доске, прикреплённой к дому, здесь в 1920-м родился Юлий Борисович.

После долгих скитаний вернувшись на Алеутскую в виде памятника, Юл принёс с собой запахи американских прерий, привкус рыжей пыли, оседающей на гривах вспотевших коней, и непреодолимый соблазн увидеть всё это... Размышления о мальчишке, с родителями подавшемся за океан, навели на мысль о том, что, возможно, благодаря таким как он, Владивосток напоминает дом, в котором не заперты двери, гуляют сквозняки, куда запросто заходят знакомые и не очень знакомые люди и где навсегда поселилось ожидание чего-то необычного...

Пошатавшись по городу, я зашёл в кафе и за чашкой кофе продолжил читать Гроция. Улитка движется быстрее, чем я читал. Толстый том был напичкан мудростью древних. Я прочитывал фразу или абзац, осмысливал написанное, затем перечитывал ещё несколько раз. С помощью умных людей, живших на земле в разное время, дотошный Гуго пытался понять природу поведения человека: что лежит в основе конфликтов, которые он то и дело затевает? почему постоянно ведёт войны со всем, что его окружает? отчего не может жить достойно и великодушно? «Откуда у вас вражды и распри? – спрашивал он, цитируя Иакова. – Не отсюда ли – от вожделений ваших, воюющих в членах ваших? Желаете – и не имеете, убиваете и завидуете – и не можете достигнуть; препираетесь и враждуете – и не имеете потому, что не просите; просите – и не получаете потому, что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений». «Ни одна война не имеет иных источников, кроме пороков...» – считал Плутарх. «Из вожделений рождаются ненависть, распри, раздоры, восстания, войны», – полагал Цицерон.

Выбрав профессией копание в человеческих пороках, я не мог не согласиться с мудрецами, которые давно раскусили человека!

Без четверти пять Бугрим позвонил.

– Надо увидеться, – сказал он.

Я назвал адрес кафе. Спустя пятнадцать минут из тойоты неторопливо вышел грузный и элегантный Бугрим. Я предложил кофе, но Бугрим отказался.

– Не знаю, насколько это вам поможет, но хотел бы, чтобы вы увидели место, где всё произошло, – сказал Бугрим.

– Никогда не знаешь, где найдёшь, – сказал я. – Я готов.

– До бухты Теляковского четыре с лишним часа хода. Выедем завтра в семь. Жду вас на пирсе в Спортивной бухте.

Бугрим не доверял телефону и, безусловно, был прав.

Утром следующего дня без десяти семь я был у яхт-клуба «Тихий океан». Бугрим уже ждал. Он был в джинсах, белых кроссовках и синей ветровке. Едва мы ступили на яхту, она тут

же отошла от причала, вырвалась из бухты и, набрав скорость, понеслась к югу. Управлял яхтой мужчина лет пятидесяти пяти в капитанской фуражке, в тельняшке, с оранжевым платочком на загорелой шее. Капитан был не брит, в зубах держал мундштук без папиросы.

– Капитан Флинт! – представил Бугрим.

Капитан окинул меня равнодушным взглядом, слегка кивнул. Мы спустились в каюту.

– Его зовут Николай Сергеевич. Когда-то он работал штурманом на плавбазе. Но все его знают как капитана Флинта. У него вздорный характер.

Спустя полчаса в каюту вошёл пожилой повар в белом переднике, подал яичницу с сосисками, бутерброды со сливочным маслом и кетовой игрой.

Бугрим ловко орудовал ножом и вилок. Прежде чем сделать глоток сока, аккуратно промачивал рот салфеткой. Если бы я не знал, что передо мной один из лидеров преступного мира, мог бы принять его за преуспевающего менеджера, получившего воспитание в хорошей семье. Но мне было известно, что мама Юрия Вениаминовича всю жизнь проработала на рыбокомбинате рабочей, а отец был грузчиком в порту, спился и рано умер. Сам Бугрим в драке убил человека, получил семь лет строгого режима, отсидел от звонка до звонка. Кто знаком с миром отечественных исправительно-трудовых колоний, тот оценит этот факт. Если человек не освободился досрочно, значит он не сотрудничал с администрацией колонии. А это, в свою очередь, означает, что он не вылезал из штрафных изоляторов, месяцами сидел на воде и хлебе, подвергался избиениям и издевательствам. Кто всё это прошел, того трудно ввести в заблуждение.

Километров через тридцать мы покончили с завтраком. Бугрим заказал кофе. Повар принёс две чашечки эспresso и две рюмки рижского бальзама. Сделав по глотку того и другого, Бугрим откинулся на спинку дивана, внимательно посмотрел на меня. И вчера во время ужина, и сейчас на яхте я постоянно ловил на себе взгляды Бугрима. Он продолжал изучать меня.

– Откровенно говоря, – сказал Юрий Вениаминович, – я удивлён, что вы согласились на эту поездку.

– Почему? – в свою очередь удивился я.

– Море. Оно не оставляет следов. И идём мы в место глухое.

– Я не чувствую опасности.

– Обо мне ходит много легенд.

– В них нет правды?

– Дело не в правде. Дело в интерпретации. По версии правоохранительных органов, я – бандит.

– А это не так?

– Это версия государства. А это совсем не значит, что это правда.

Бугрим поднял рюмку с бальзамом, посмотрел на свет.

– Одиннадцать лет назад я убил человека, – сказал Бугрим, пригубил бальзам, лукаво взглянул на меня. – Ну, вы знаете... Так сложились обстоятельства. С тех пор ношу клеймо убийцы. Но если бы у меня под рукой оказалась росгвардия, полиция, служба госбезопасности, парламент, прокуратура и суд, уверяю вас – мой портрет повесили бы во всех кабинетах страны. Так что дело не в том, что вы сделали. Дело в том, какими возможностями вы обладаете.

Метрах в трёхстах от нас на юг шло судно, выкрашенное в синий цвет. Оно было похоже на танкер, но для танкера слишком мелкое.

– Бункеровщик, – сказал Бугрим. – Идёт в Пусан. В его бункерах – ворованное топливо.

– Откуда вы знаете? – удивился я.

– Я отвечаю за эту операцию. Топливо по дешёвке продадут корейцам, деньги лягут на счёт губернатора.

– Вы не боитесь говорить мне об этом?

Бугрим усмехнулся.

– Было бы время, я показал бы вам краболовов, которые тоже работают на губернатора. Улов продают японцам за валюту. А ещё я мог бы показать деляны, откуда нелегально выбирают лес для китайцев. Выручка тоже идёт губернатору. И золотодобывающие артели несут свою долю губернатору. А ведь кроме губернатора есть его замы, начальник ФСБ, начальник краевого управления полиции, начальник налоговой инспекции, прокурор края... Как вы понимаете, никто из них не может заниматься ни краболовами, ни кедром. Им нужны мы. Но в таком случае возникает вопрос: кто на самом деле организованная преступная группировка – мы или они?

– Никто вас не заставляет гнать бункеровщик в Пусан.

– Вы полагаете? – насмешливо посмотрел на меня хозяин яхты.

– А разве не так?

Бугрим подумал.

– Хорошо, – сказал он. – Давайте представим, что вы, следовательно по особо важным делам, расследуя дело о коррупции, вышли на свое руководство. Более того, узнали, что в криминальной схеме задействованы практически все сотрудники Следственного комитета. Что будете делать?

Теперь задумался я.

– Вот видите, – усмехнулся Бугрим, не дождавшись ответа, – не всё так просто. Если вы проявите принципиальность и продолжите расследование, в лучшем случае вас выгонят с работы. В худшем – подбросят наркотики и посадят. Или просто убьют.

Я вспомнил Колю Харитонову. Когда он привёз из Казани доказательства того, что золото вывозили за рубеж военно-транспортными самолетами, замаскированными под «Аэрофлот», его тело обнаружили в Москве-реке.

– Вы никогда не жалели о том, что избрали профессию следователя? – спросил Бугрим.

– А почему я должен жалеть? – сказал я, стараясь сохранить спокойный, равнодушный тон.

– Потому что вы должны защищать то, что в нашей стране защитить в принципе невозможно.

– Вы говорите о законе?

– Разумеется.

– Почему же его невозможно защитить?

– Очень трудно защищать то, что не имеет постоянной величины.

– Вы считаете, что расследование, которое я провожу, не имеет смысла?

– Поживём – увидим, куда оно вас заведёт, – сказал хозяин яхты. – Может быть, вас за ваше рвение самого отдадут под суд.

Это была весьма здравая мысль. Но я сказал:

– У вас слишком мрачный взгляд на жизнь, Юрий Вениаминович.

– Это взгляд не на жизнь, – вздохнул Бугрим. – Это взгляд на государство, в котором закон играет роль пистолета: в чьих он руках – тот и прав.

Мы помолчали. Повар принёс новый кофе, подлил в рюмки бальзам.

– Надо признать, Андрей Васильевич, – прервал молчание Бугрим, – нам с вами досталась не самая лучшая среда обитания. Здесь накопилось столько противоречий, что будь это физическое тело, оно бы от внутреннего давления давно разлетелось на куски.

– Но ведь не разлетелось!

Бугрим махнул рукой.

– Это вопрос времени. Иногда мне приходится бывать в компаниях чиновников разного уровня. И везде наблюдаю одну и ту же картину. Достаточно господам пропустить по паре рюмок, как все они начинают клясться в безумной любви к Родине. Но я-то знаю, на какие деньги они живут, кого и за сколько покупают, как расправляются с партнёрами... В этом глав-

ное противоречие – между публично провозглашёнными целями и целями, непровозглашёнными. Именно эти, непровозглашённые цели, и лежат в основе их поведения.

Видимо, мысли, которые излагал Бугрим, давно не давали ему покоя, и он, воспользовавшись случаем, избавлялся от них.

– Как это ни прискорбно, – продолжал хозяин яхты, – но надо признать: в России сформировался новый, совершенно ужасный, тип человека – с повадками раба и желаниями монстра. Он усвоил: человек – червь. На этом понимании и стало строиться его поведение. Как сперматозоид к яйцеклетке, так этот гомункул изо всех сил стал стремиться занять какую-нибудь должность. Потому что именно там формируются правила жизни. Кто не попал туда, терпеливо ненавидит тех, кто попал. А кто попал – реализует свои желания: унижает, ворует, мстит. Те, которые не попали в чиновники, и те, которые попали – ничем не отличаются друг от друга. Это один и тот же материал. Вот почему армия чиновников в России никогда не меняет своей сути. Вся система жизни в этой стране устроена так, что нужно обманывать, подкупать, предавать. И даже убивать. Ведь на каждой должности – от маленького клерка до самого верха сидит тот самый гомункул. В таких условиях может выжить только худший.

Я отдавал должное трезвому уму Бугрима. Он мог бы блестяще защитить диссертацию на тему «Государство и ОПГ». Он мог бы преподавать в Академии МВД, возглавить кафедру в каком-нибудь институте общественных проблем. Но, к сожалению, он торговал ворованным топливом.

– Вы слишком сгущаете краски, – сказал я. Сказал, чтобы хоть как-то возразить.

Взгляд Бугрима застрял во мне, потеряв всякую живость.

– В прошлом году из Москвы прилетели бравые фээсбэшники, – словно делая над собой усилие, сказал Бугрим. – Решительно вошли в кабинет губернатора, положили его мордой в пол, вскрыли сейф. Главу администрации в наручниках увезли в белокаменную. А уже сутки спустя губернатор вернулся во Владивосток. Как вы думаете, какую сумму пришлось отвезти в столицу? А, главное, кому?

Бугрим выдержал паузу.

– По глазам вижу, – ухмыльнулся он, – и порядок цифр, и лицо, которому отвезли деньги, вы угадываете верно.

Бугрим умолк.

– Вы полагаете, я принадлежу к этой ОПГ? – спросил я.

– Вы её цепной пес! – жёстко ответил Бугрим.

Хозяин яхты отвернулся к иллюминатору. Мне хотелось сказать: «Да, Юрий Вениаминович, вы правы». Но я знал, что многие лидеры преступного мира были осведомителями ФСБ. Поэтому предпочёл промолчать.

Ближе к полудню яхта вошла в живописную бухту. Берег у неё был скалистый, скалы покрыты низкорослой сосной и кустарником. Флинт сбросил скорость, заглушил мотор. Яхта закачалась на волнах метрах в десяти от берега. В бирюзовой воде были видны камни и бархатные водоросли.

На резиновой лодке с мотором мы подъехали к берегу. Бугрим вёл себя так, словно выбросил за борт весь наш недавний разговор.

– Здесь мы остановились в тот раз. – Бугрим указал на следы костра. – Кафар вошёл в воду здесь. А нашли его вон у того мыса, на глубине пятнадцать метров.

– Что за этим мысом? – поинтересовался я.

– Такая же маленькая бухта, – пояснил Бугрим.

– Киллеры могли прийти оттуда, – предположил я.

– Там никого не было: ни яхты, ни моторной лодки.

– Откуда же они взялись? Может, остановились ещё дальше?

– Нет. Прежде чем причалить, мы прошли вдоль берега. Нигде никого не было.

– Но не с неба же они упали! – воскликнул я.

Мы снова сели в лодку, доехали до мыса, остановились в полусотне метров от него.

– Примерно здесь его нашли, – сказал Бугрим.

Объехали мыс, осмотрели бухту. Затем Бугрим направил лодку в море. Километрах в двух от мыса остановил.

– Примерно на этом месте стоял военный буксир, – сказал он.

– Что он здесь делал? – спросил я.

– Якобы у него была поломка.

– Якобы?

– Месяц назад он прошёл техобслуживание. У него всё было в порядке.

– Откуда вам это известно?

– Из первоисточника.

– Что вы об этом думаете?

– Я думаю, что буксир здесь был не случайно.

– Почему?

– Потому что я не верю в случайные совпадения.

– Вы не видели его номер?

– Видел. Я рассматривал его в бинокль.

– Не запомнили?

– 405.

– А ваш «первоисточник» не мог бы раздобыть фотографию этого буксира?

– Нет проблем!

Бугрим направил лодку к берегу. Неожиданно лодка дёрнулась, сбросила ход, затем и вовсе остановилась. Я с недоумением посмотрел на Бугрима. Он держал руку на ручке газа, но застыл, словно его парализовало.

– Вы заговорили о фото... Я вот о чём вспомнил. В тот день здесь слонялся фотограф – паренёк лет двадцати пяти. У него была хорошая камера с мощным телевиком. Я тогда подумал, что папарацци охотится за Кафаром. Мы побеседовали с ним. Оказалось, парень просто снимал пейзажи. А что, если в объектив случайно попал буксир? Или ещё что-нибудь?

– Вы знаете этого фотографа?

– Он из какой-то владивостокской газеты. Оставил мне визитку.

– Если это люди с буксира убили Кафара, они наверняка следили за берегом в бинокль.

Они могли видеть фотографа.

– Чёрт! Я сейчас же дам команду найти его.

Бугрим резко крутанул ручку газа, и лодка понеслась, подпрыгивая на гребнях волн.

Во Владивосток мы вернулись около шести вечера. Я принял душ и рухнул в постель.

Бугрим позвонил в полдень следующего дня. Мы снова встретились в ресторане «Семь футов», в том же кабинете, в котором познакомились. Заказали дорадо, приготовленную на пару, и немецкое сухое «Гевюрцтраминер». Бугрим передал мне конверт с фотографиями военного буксира. Если бы не флаг военно-морского флота на корме, судно можно было бы принять за гражданского работягу: чёрный корпус, оранжевая рубка, по бортам – автомобильные покрышки. На чёрном фоне отчётливо был виден номер буксира – РБ-405.

– Спасибо! – поблагодарил я. – Отличное фото!

– Мы не можем найти фотографа, – сказал Бугрим.

– Почему?

– Он исчез.

– В каком смысле?

– На третий день после убийства Кафара он пропал. Его больше никто не видел. Ни на работе, ни дома. Родители подали заявление в полицию. Фотографа объявили в розыск.

- Значит они засекли его!
- Видимо, так.
- А фотоаппарат?
- Пропал вместе с картой памяти.
- Какое отношение к Кафару могли иметь военные?
- Их интересы никогда не пересекались, – сказал Бугрим.
- Тогда причём здесь они?

Бугрим опрокинул бокал с вином, скомкал накрахмаленную салфетку и бросил на стол.

Вернувшись из Владивостока, я немедленно встретился с Грековым. Он выслушал меня, не перебивая. Встал из-за стола, прошёлся по комнате, остановился у окна.

– Почему Бугрим пошёл на контакт? – спросил Греков.

– От безысходности, – сказал я. – У меня сложилось впечатление, что они не собираются мстить за Кафара. Бугрим мне показался подавленным, растерянным.

Греков сел за приставной столик напротив меня.

– Видимо, они не могут тягаться с теми, кто убил Кафара, – задумчиво произнёс он.

На даче

В последний день августа я отправился на Щербинское кладбище провести могилу родителей. Сорвал траву, проросшую вокруг ограды, помыл саму ограду и памятники, поставил в глиняные кувшины гвоздики. Постоял, подумал, не спеша поплёлся к выходу. Чёрный внедорожник, въезжавший на территорию кладбища, резко затормозил. За рулём сидел... Иван. Он вышел из машины, пожал руку.

– У вас здесь родственники? – поинтересовался он.

– Родители. А у вас?

– Учитель. Вы торопитесь?

– Нет.

– Давайте вместе проведем. А потом поедем ко мне на дачу. Помянем, поговорим...

Я согласился.

Иван поставил машину на стоянку, купил восемь алых роз, и мы пошли к участку, где был похоронен учитель Комына. С цветной фотографии на сером мраморе смотрел лысый мужчина в очках, со шкиперской бородкой. Под фотографией блестела надпись: «Мирек Альфред (Александр) Мартинович». Рядом стоял ещё один камень, поменьше, под которым покоились родители Альфреда Мартиновича. Иван вынул из полиэтиленового пакета салфетку, протёр оба камня, у каждого положил по четыре розы.

– Что он преподавал? – поинтересовался я.

– Музыку. В своё время это был очень известный аккордеонист. Он издал самоучитель игры на аккордеоне. Я по нему учился играть.

– Вы играете на аккордеоне?

– Да.

– Вы были знакомы с Миреком?

– Нет. Случайно узнал, что он здесь похоронен. Иногда проводываю.

Каждый раз при наших встречах Комын открывался передо мной с новой стороны, вызывая к себе всё большее уважение и интерес.

– Заедем вначале в Москву, – предложил Иван. – Я заберу Шрэка.

Шрэк был старый ротвейлер – чёрный, в рыжих подпалинах. Он шёл медленно, иногда припадая на задние лапы. Подведя пса к машине, Иван снял с него намордник, отстегнул поводок. Шрэк высунул розовый язык, из пасти потекла слюна. Пёс безразлично посмотрел на меня, но всё же, следуя чувству долга, подошёл, обнюхал.

– Свой, Шрэк, свой, – сказал Иван.

Взгляд у пса был усталый, потухший. Иван открыл заднюю дверцу, взял Шрэка на руки, бережно посадил на сиденье. Салфеткой вытер слюну.

По дороге мы купили картошку, карбонат, маринованные огурчики, бутылку перцовки. Попетляв между подмосковными дачами, подъехали к трёхэтажному кирпичному дому. Иван открыл ворота, въехал, запер ворота. Распахнул дверцу машины, взял на руки Шрэка, осторожно опустил на землю. Присел, погладил, поцеловал в рыжие точки на бровях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.